

Писать обобщающую работу по истории Армении IX—XI вв. — задача в достаточной степени сложная. Во-первых, «эпоха Багратидов»<sup>1</sup> обеспечена огромным количеством разрозненных и гетерогенных источников, а во-вторых, историографическая традиция этого периода насчитывает несколько столетий начиная с XI в. Трудности, стоящие перед К. Н. Юзбашьяном, предположившим такой обобщающий очерк, усугубляются как традиционностью большинства рассматриваемых сюжетов, так и традиционностью последовательно применяемой им описательной методики. К сожалению, в работе отсутствует историографическая глава, призванная подвести итог достижений предшественников К. Н. Юзбашьяна<sup>2</sup> и решить вопрос о месте его собственной работы в историографии «эпохи Багратидов». Поэтому, очевидно, это должно войти в задачи рецензента. Исследование разворачивается в семи главах (1. Самоуправление армян в условиях персидского, византийского и арабского владычества (IV—IX вв.); 2. Армения IX—

XI вв. в международно-правовом аспекте; 3. Политические отношения Армении и Византии в IX—X вв.; 4. Присоединение армянских государств к Византии; 5. Византийская администрация в Армении в X—XI вв.; 6. Армения и сельджуцкое завоевание; 7. Движение тондракитов) и завершается двумя приложениями, иллюстрирующими церковные и политические отношения между армянами и империей в X в.

Первые три главы — это наиболее оригинальная часть исследования. Первая глава, правда, ощутимо выходит за временные границы, поставленные задачами работы. Автор объясняет столь глубокий (в пять веков) исторический экскурс стремлением аргументировать постоянное присутствие институтов самоуправления в Армении на разных этапах иноземного владычества, самоуправления, ставшего той почвой, на которой после перерыва в четыре с половиной столетия сформировалось самостоятельное государство (с. 8—9). К. Н. Юзбашьян полагает, что генезис армянских государств эпохи Багратидов «может быть понят лишь с учетом тех условий, которые появились в Армении, включенной в состав халифата. В то же время эти государства явились антитезой режиму, навязавшемуся завоевателями» (с. 36). Явная противоречивость этих утверждений снимается как будто наблюдением А. Н. Тер-Гевондяна, что «основной предпосылкой воссоздания армянского царства под властью Багратидов явилось сохранение армянскими нахарарами права на внутреннюю автономию, так как сам принцип нахарарского землевладения оказался нетронутым и пережил арабское владычество (с. 41). Существенно важно, однако, что армянская общественная мысль при этом связывала суверенитет не с автономией, а с собственной государственностью (с. 64), т. е. с восстановлением царской власти в Армении.

Наибольший интерес для арменоведов представляет разработка темы: «Армения в международно-правовом аспекте», впервые предложенная К. Н. Юзбашьяном. Исследователь включает Армению в ту своеобразную общность государств, вовлеченных в орбиту византийской внешней политики, которую византийцы именovali βασιλεία, πολιτεία, οἰκουμένη (с. 79) (современный термин для этой общности введен Д. Д. Оболенским — Commonwealth<sup>3</sup>). Армянские династы Та-

<sup>1</sup> «Эпоха Багратидов» — весьма условное, но принятое в литературе наименование двух веков истории армянского народа, когда во главе армянских царств и княжеств стояли по большей части Багратиды, а Багратиды Ширакского царства были и азагепатами Багратидского дома, и шаханшахами по отношению к другим армянским владетелям. На этот период времени приходится возрождение армянского царства, распад его на ряд политических образований, внутренние междоусобицы, внешние войны (с арабами, Византией и сельджуками) и, наконец, утрата государственности большинством армянских царств и княжеств, сначала растворенных в военно-административных округах Византийской империи, а затем поглощенных сельджуками.

<sup>2</sup> В начале каждого из разделов он просто указывает на «основные работы по теме». См., например: с. 2, примеч. 2 (к введению — К. Туманов, Р. Грусса, История армянского народа); с. 7, примеч. 1 (к гл. I — А. Я. Манандян, Р. Грусса, К. Туманов, Э. Л. Даниэлян); с. 175, примеч. 1 (к гл. V — о феодах — Н. А. Скабалакович, В. А. Арутюнова-Фиданян и др.); с. 216, примеч. 1 (к гл. VI — С. Борзанян); с. 235, примеч. 1 (к гл. VII — К. Тер-Мкртчян, Ф. Конибир, А. Г. Иоаннисян, Р. М. Бартиян, Н. Г. Гарсоян и др.) и т. п.

<sup>3</sup> Английский ученый обозначает, правда, этим термином только страны Восточ-

рона, Великой Армении, Васпуракана и др. занимали, по К. Н. Юзбашяну, четко определенное для каждого положение в двух системах, функционирующих независимо друг от друга: 1) семья правителей и народов («братья», «сыновья» и «друзья» императора); 2) а) те, кто еще не стал «друзьями», имели титул не «по родству», а по дипломатическому протоколу, б) те, кто признавал суверенитет империи как ее «рабы» (с. 80—92).

Вторая система, по мнению К. Н. Юзбашяна, принадлежала не столько к международно-правовой, сколько к государственно-правовой сфере, т. е. титул этой системы (архонт архонтов, прот и т. д.) не только представлял его носителя в международных отношениях, но и должен был определять объем его власти на собственных его землях.

Отмечая определенную фиктивность называемых Византией ее армянским контрагентам систем вассальной зависимости (с. 91), К. Н. Юзбашян все же считает, что эти системы сыграли немалую роль при тех бескровных акциях, когда армянские правители оказывались вынужденными уступить свои владения императору — «сюзерену», а сами «эмигрировали и обосновывались в пределах империи» (с. 92).

Возникает закономерный вопрос: если эти системы, и в особенности вторая (так как К. Н. Юзбашян признает, что, внимательно следя за внешнеполитической ориентацией армянских владетелей, Византия не вмешивалась в их внутренние дела), были фикцией и вдобавок фикцией, навязанной Византией, могли ли они действительно сыграть столь существенную роль в добровольной передаче родовых земель империи?

Арменоведы (все без исключения) ставят эпитет «добровольная» в иронические кавычки, справедливо аргументируя это нажимом империи на волю Давида Тайкского и Иоанна-Смбата Анийского, завещавших свои земли Византии, кровопролитием при захвате Ани, жестокостью набегов болгарского войска «на Востоке» и т. д. Но ведь, с другой стороны, справедливо и то, что Тарон был передан Византии сыновьями Ашота Таронита и только после этого аннексирован, что Васпуракан и Карс перешли к Византии по воле и прямой просьбе их владетелей (на фоне тюркских набегов).

Вспомним в этой связи переход Анийского царства к Византии. Ведь, кроме

первоначальной передачи Иоанном-Смбатом его владений Василию II по завещанию во искупление вины перед сюзереном за мятежные против него действия, Ани (не ставший и после смерти Иоанна-Смбата собственностью Византии), передавался империи разными вершителями судеб Ани еще четыре раза, пока, наконец, не был захвачен вооруженной силой (с. 158—159, 161, 169—170).

Иными словами, мифы Византии, очевидно, были обязательны в основном для самой Византии (с. 173). Армянские владетели, в официальных дипломатических сношениях признавая себя вассалами империи, исходили в каждом отдельном случае из ее объективных (военных) возможностей. Вассальные связи, таким образом, играли определенную, но не определяющую роль. И вместе с тем все же целый ряд передач земель армянских владетелей (не все, разумеется) действительно был и почти бескровным, и почти добровольным. Эта загадка, очевидно, еще ждет своего решения. Добавим к этому и еще одну загадку, которая осталась вне поля зрения автора рецензируемой монографии, но находится в том же ряду, что и добровольные передачи. Армения, которая буквально сотрясалась мощными антиарабскими восстаниями на всем протяжении господства Халифата на ее территории, не знает в X—XI вв. восстаний антивизантийских. Нам известны многочисленные восстания против императоров и ни одного — против Империи. Армянские владетели много раз принимали участие в мятежах претендентов на византийский престол. Однако, по-видимому, не следует квалифицировать армянских участников восстаний Варды Склира, Варды Фоки, Никифора Фоки, Ксифия и др. как борцов за возрождение армянского царства, поскольку они сражались за ту же византийскую корону, только на голове не царствующего императора, а претендента.

Основную задачу К. Н. Юзбашяна, которой подчинена структура центральной части монографии: путем сравнительного анализа источников и интерпретирующих их исследований воссоздать фактологическую канву политической истории Армении IX—XI вв., — очевидно, следует считать выполненной. Ученые, которым придется заниматься присоединением к Византии арабских эмиратов, владений Давида Курополата, Васпуракана, Великой Армении, сельджуцким нашествием и движением тондракитов, найдут в монографии стройную картину этих событий и явлений, связанную воедино эрудицией автора, обобщившего результаты исследований совет-

---

ной Европы и считает Commonwealth своего рода федерацией (*Obolensky D. Byzantium and the Slavs: Collected studies. L., 1971. (Variorum Reports)*).

ских и зарубежных ученых (в III—VII главах. С. 93—260 и указанная там литература).

Я бы отметила ряд оригинальных разработок по некоторым из аспектов вышеупомянутых разделов, в частности тщательное изучение немногочисленных данных о фискальной политике Византии во вновь организованных военно-административных округах. К. Н. Юзбашян приходит к выводу, что деятельность Баграта Вхкаци и Аарона Болгарина — византийских наместников в Ани, направленная на ослабление податного гнета (сокращаются или снижаются налоги и разные формы барщины, сокращаются или снижаются пошлины), связана с первыми крупными поражениями Византии в борьбе с сельджуками и должна была оживить реактивные силы в столице фемы «Великая Армения и Иверия» путем уступок местному населению (с. 200—205). Скудость источников не позволила обстоятельно осветить внедрение византийских экономических институтов в Армении, исключение составляет дискуссия — иммунитет, исследованный К. Н. Юзбашяном по данным нарративных источников и эпиграфики (с. 206—213). К достижениям автора следует отнести также четкое обозначение географического ареала распространения тондракитов и его аргументированное утверждение, что локализация их проходила хотя и на огромной территории, но в отдельных селениях, в то время как соседние села оставались верны официальной церкви (с. 246).

Разумеется, в обобщающей работе такого масштаба, охватывающей ряд проблем, каждая из которых послужила темой не одного исследования, автор не мог обойтись без некоторых лагун и ошибок.

Не исследуется, например, в V главе важнейший вопрос о соотношении малых и больших фем на территории Армении (ссылка на заключения Г. Г. Литаврина, относящиеся к положению в Болгарии (с. 193), вряд ли может считаться достаточной). К. Н. Юзбашян обходит молчанием также целый ряд вопросов фемной практики Византии, которые являются дискуссионными в новейшей историографии: о времени образования фем в Армении, о датах правления византийских наместников (таблица, приведенная К. Н. Юзбашяном на с. 213—215, далеко не всегда идентична таблицам других исследователей, а различия в заключениях ученых не разъясняются), о географических границах фем. Географической номенклатуре областей, входящих в фемы Тарон, Васпуракан, Великая Армения и Иверия, в монографии не уделено доста-

точного внимания, хотя этот вопрос разрабатывался<sup>4</sup>.

К. Н. Юзбашян считает, что новые фемы, созданные на базе исторически сложившихся государственных образований, «совпадают с ними территориально» (с. 192). Но такое заключение возможно было бы только после тщательного сопоставления территорий фем и соответствующих армянских царств и княжеств, что, по-видимому, не входило в задачи исследователя.

Фема Иверия (или после 1045 г. «Армения и Иверия»), на мой взгляд, отнюдь не идентична «Востоку» (с. 185). «Восток» обычно идентифицировался в источниках с «самой восточной» (на определенном отрезок времени) фемой империи<sup>5</sup>. Вряд ли можно считать сельджукское нашествие основной причиной эскапации армян (с. 234), начавшейся много ранее. Дискуссионность целого ряда дат основания и распада армянских царств и княжеств (Сюник, Ташир-Дзорагет и др.) К. Н. Юзбашян не счел нужным специально оговорить (с. 72). Есть и прямые ошибки (Карс, например, был присоединен к империи не в 1064 г. (с. 72), а в 1065 г., об осаде Карина в 895 г. писал Товма Арцруни, а не Асолик (с. 130). И разумеется, отсутствие индексов в книге, столь богатой топонимами, этнонимами, именами собственными и специальными терминами, затрудняет пользование ею.

Вышеизложенное отнюдь не меняет того, что К. Н. Юзбашян создал книгу, чрезвычайно богатую фактическим материалом, полезную для кавказоведов, византинистов, востоковедов и медиевистов широкого профиля, систематизировав почти все известные события политической истории эпохи Багратидов на основе описательной методики. Эта работа в какой-то мере исчерпывает и завершает традиционное (как по сюжетам, так и по методам) направление в изучении этого периода армянской истории.

Традиционный источниковедческий анализ памятников, освещающих «эпоху Багратидов», по-видимому, уже не сулит армяноведом и византинистам особенных неожиданностей. А вместе с тем целый ряд вопросов, решение которых насущно необходимо для понимания «эпохи Багратидов», так и остался нерешенным; некоторые даже не были поставлены; другие поставлены, но далеко не решены оконча-

<sup>4</sup> Кавказ и Византия. Ереван, 1976. Т. 1. С. 36—55.

<sup>5</sup> Арутюнова-Фиданян В. А. К вопросу о термине «Восток» в конце X—XI в. (по данным о высших военных должностях Византийской империи) // ВО. М., 1982. С. 114—115.

тельно (вспомним уже упомянутую выше загадку бескровных акций передачи армянскими династами своих земель империи, не объяснимую только вассальными связями между ними; длительность и сложность почти столетнего движения Византии на армянские территории (966/967—1045) и неожиданно быстрый захват сельджуками всех восточных византийских провинций, в том числе и в Армении; переселение армянских владетелей в Византию, и в то же время назначение на ключевые посты в восточных провинциях представителей армяно-халкидонитской знати; противостояние византийской (диофиситской) и армянской (монофиситской) церковей и неожиданно частые сближения между ними, чуть ли не приводящие к унии и не могущие быть результатом только политических коллизий и т. п.). Источники, как из-

вестно, в принципе неистощимы, но, чтобы получить новую информацию, исследователи должны задать им нетрафаретные вопросы. Таким образом, проблема методов, особенно актуальная для современной медиевистики, и в арменоведении выдвигается на первый план. Арменоведы, как и все медиевисты, стоят перед задачей воссоздать изучаемую ими культуру в категориях, адекватных ей, и для осуществления этой задачи чрезвычайно важны новые методики, разработанные медиевистами других направлений, и в их числе «образ другого мира», изучение трансплантации культурных форм и др., которые, очевидно, смогут помочь выявить и понять все еще далеко не исчерпанную сложность многовековых армяно-византийских отношений.

В. А. Арутюнова-Фиданян

Σαββίδης Ἰ. Α. Γ. Βυζαντινὰ στασιαστικὰ καὶ αὐτονομαστικὰ κινήματα στὰ Δοδεκάνησα καὶ στὴ Μικρὰ Ἀσία. 1189 — с. 1240 μ. Χ. Ἀθήνα, 1987. 380 σ.

Рецензируемая книга греческого ученого посвящена проблеме, которая уже дважды ставилась в литературе за последние полтора десятилетия. После выхода в 1974 г. книги Ю. Хофмана<sup>1</sup> учеными был накоплен значительный материал по политической истории Византии рубежа XII—XIII вв. Этот материал тщательно собран и проанализирован А. Саввидисом. Почти одновременно с книгой А. Саввидиса появилась еще одна работа на данную тему<sup>2</sup>. Но в отличие от исследований Ю. Хофмана и Р. Радича, в которых рассматриваются восстания как в Малой Азии, так и на Балканах (Болгария и Греция), труд А. Саввидиса посвящен движениям только в Малой Азии и на островах Додеканес. Отличаются эти работы и по временному охвату событий: 1071—1210 (Ю. Хофман), 1190—1207 (Р. Радич), 1189—1240 (А. Саввидис). Общим для них является рассмотрение с той или иной полнотой восстаний в Малой Азии в 1189—1207 гг., что позволяет при анализе рецензируемой книги провести некоторые сравнения.

Труд А. Саввидиса состоит из предисло-

вия, большой вводной главы и двух основных частей, в которых подробно разбираются почти все мятежные и сепаратистские движения в 1189—1240 гг. в Малой Азии. Уже в предисловии (с. 13—21) автор делит все движения провинциальных правителей на две группы: мятежные, направленные на свержение императорской власти Константинополя или Никеи, и автономные, или независимые, когда правитель провозглашал территорию, которой он управлял от имени центральной власти, независимой и стремился превратить ее в новое греческое государство.

К мятежным движениям А. Саввидис относит восстания Феодора Манкафы (1189—1204/5) (с. 191—195), трех псевдо-Алексеев (1192—1196) (с. 196—212), выступления братьев Феодора I Ласкаря севастократоров Алексея и Исаака и заговор во главе с Андроником Нестонгом против Иоанна III Ватака (1224—1225) (с. 213—227). Движения и действия Мануила Маврозома (1204—1206) (с. 231—245), Саввы Асидена (1204—1206) (с. 246—251), Феодора Гавра (1204—1208) (с. 252—259), Давида Комнина (1204—1212) (с. 260—300) и Льва Гавалы (1204—1240) (с. 301—341) были, по мнению греческого ученого, независимыми и направленными на создание самостоятельных государственных образований.

В работе Ю. Хофмана нет такого деления восстаний, хотя немецкий ученый и подчеркивает в выступлениях Давида Комнина (с. 61—63, 97—98) и Саввы

<sup>1</sup> Hoffmann J. Rudimente von Territorialstaaten in Byzantinischen Reich, 1071—1210: Untersuchungen über Unabhängigkeitsbestrebungen und Ihr Verhältnis zu Kaiser und Reich. München, 1974.

<sup>2</sup> Радич Р. Области господари у Византији крајем XII и у првим деценијама XIII века // ЗРВИ. XXIV—XXV. 1986. С. 153—289.